

УДК 94:314.74

ИММИГРАНТЫ В БРИТАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ ПРИЕМА И ИНТЕГРАЦИИ В 1945 – 1951 ГГ.*Е. В. Хахалкина***IMMIGRANTS IN THE BRITISH SOCIETY: PROBLEMS OF ADMISSION AND INTEGRATION, 1945 – 1951***E. V. Khakhalkina*

Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 № 14.В25.31.0009).

В статье на основе британских архивных документов сформулированы основные вызовы, с которыми столкнулось Соединенное Королевство после Второй мировой войны при проведении колониальной политики. Одним из таких вызовов стало существование расовой дискриминации как в территориях, входивших в Британскую империю, так и внутри самой страны. Создание Организации Объединенных наций (ООН) привлекло пристальное внимание метрополии к этой проблеме, вынуждая Лондон пересматривать сложившуюся в колониях структуру отношений внутри мультирасовых обществ. Другим вызовом для лейбористского руководства стал увеличивающийся с окончания войны поток иммигрантов из слаборазвитых колоний Британской империи, осложнявший проведение как внутри-, так и внешнеполитического курса страны.

В статье показан процесс принятия решений внутри лейбористского кабинета К. Эттли по указанным проблемам, включая причины принятия Британского акта о гражданстве 1948 г. и предложения британских чиновников по ограничению численности выходцев из колоний Карибского бассейна и Африки, по сути, означавшие отказ от дальнейшего соблюдения принятого закона.

Выводы, сделанные автором статьи, опровергают некоторые устоявшиеся в отечественной и зарубежной историографии данные о причинах и численности увеличивавшейся численности иммигрантов и дают представления об истоках современных миграционных проблем Великобритании и Европейского союза в целом.

On the basis of the revealed British documents the author formulates the main challenges of the colonial policy of the United Kingdom after World War II. One of these challenges was the existence of racial discrimination in some areas of the British Empire and within the UK. The establishment of the United Nations (UN) in 1945 attracted the attention of the metropolis to the problem of racial discrimination, and the Labour government of C. Attlee was forced to revise the existing structure of relations inside multiracial societies in colonies. The flow of immigrants from underdeveloped colony of the British Empire was another challenge for the Labour leadership since the end of the War. Both challenges complicated the implementation of domestic and foreign policy of Great Britain.

The paper shows the process of decision-making within the Labor cabinet of C. Attlee on these issues, including the reasons for the introduction of the British Nationality Act 1948. The author features the offers made by British officials to limit the number of immigrants from the colonies of the Caribbean and Africa, in fact, constituted a waiver for the future compliance of the adopted law.

The author's conclusions contradict with some points of view established in the Russian and foreign historiography on the causes and the scale of the increasing number of immigrants, and give an idea about the origins of contemporary migration issues in the UK and the European Union as a whole.

Ключевые слова: иммиграция, Соединённое Королевство, деколонизация, К. Эттли, Британский акт о гражданстве 1948 г., Вест-Индия.

Keywords: immigration, United Kingdom, decolonization, C. Attlee, British Nationality Act 1948, West-India.

Перефразируя известное крылатое выражение «казнить нельзя помиловать», можно заметить, что британские политики после Второй мировой войны столкнулись с не менее сложной дилеммой: «выслать нельзя принять». Расстановка запятых в этой дилемме потребовала от британских политиков времени и осторожности.

Процессы деколонизации, стремительно развернувшиеся в послевоенные годы, поставили руководство страны перед решением комплекса сложных вопросов: каким образом, не нарушая право свободного въезда на территорию Соединенного Королевства и не вызывая обвинений в расовой дискриминации, ограничить въезд выходцев из колоний.

Одним из побудительных мотивов к пересмотру расовой политики стала деятельность ООН в области защиты прав человека и борьба с дискриминацией по цвету кожи, способствовавшие активному включению выходцев из колоний в работу организации.

В январе 1947 г. министр по делам колоний А. Крич Джонс отправил правительствам колониальных территорий циркуляр, в котором рекомендовал изучить законодательство колоний на предмет выявления расовой дискриминации в разных сферах, особенно в отношениях европейцев и не европейцев. Эти действия чиновник объяснял созданием в 1946 г. Комиссии по правам человека согласно 68 статье Устава ООН. Комиссия должна была приступить к детальному изучению проблем расовой дискриминации и под-

готовить проект международного «Билля по правам человека», включающего отдельный раздел по расовой дискриминации. В этой связи правительства колоний рекомендовалось составить перечень таких дискриминационных в своей основе статей и либо модифицировать их, либо удалить из законодательства [2, p. 7].

Важность осуществления таких мер продемонстрировали произошедшие в том же году два резонансных эпизода. 22 марта 1947 г. в нигерийском отеле произошел инцидент, который до войны не вызвал бы бурной реакции британского правительства и общественного мнения в африканских странах. Дж. Л. Кейт, руководитель колониальной исследовательской группы, и Ай. Дж. Каммингс, сотрудник департамента социального обеспечения Колониал Оффис, должны были остановиться на пять ночей в Отеле «Бристоль» в Лагосе, Нигерия [2, p. 11]. Каммингс, отец которого был африканским доктором, женившимся на женщине из Йоркшира, Англия, был первым цветным (*Прим. автора: в связи с тем, что в британских документах термин «цветной» и «цветное население» фигурируют без кавычек, автор статьи будет придерживаться аутентичного перевода*) мужчиной, назначенным в министерство по делам колоний.

По прибытии в отель менеджер подверг сомнению разрешение Каммингса селиться на оговоренный срок по причине того, что он «африканец», разрешив остановиться ему только на одну ночь. Дж. Л. Кейт выразил протест, и, видя, что предложен двухместный маленький номер, он и его спутник решили найти другой отель. Этот инцидент, происходивший на глазах европейцев-постояльцев, вызвал взрыв негодования в нигерийской прессе. В апреле министр по делам колоний А. Крич Джонс написал Ай. Дж. Каммингсу письмо, в котором выразил сожаление сложившейся ситуацией и надежду, что подобные инциденты впредь будут исключены, добавив, однако, что не имеет прямого влияния на нигерийское правительство.

По итогам визита в Нигерию Каммингс, в соответствии со своими должностными обязанностями (ирония произошедшего как раз заключалась в том, что Каммингс занимался анализом дел в сфере расовой сегрегации), подготовил ответ о состоянии дел с расовой дискриминацией в африканских территориях. По его мнению, в Сьерра-Леоне и Гамбии «ситуация лучше прежней», но все еще не «благополучная»; относительно спокойной была названа ситуация в колонии Золотой берег. Наибольшую тревогу все же вызывало положение дел в Нигерии. Произошедший инцидент вызвал настолько болезненную реакцию сотрудника Колониал оффис, что он высказал идею о высылке греческого собственника отеля «Бристоль» из Нигерии без всяких предварительных юридических процедур, «если нигерийское правительство действительно желает показать людям, что оно не будет терпимо относиться к расовой дискриминации». В реальности единственным следствием этого инцидента стало начало массовой компании лицензирования отелей и баров с целью ликвидации расовой сегрегации в гостиничной системе Нигерии [2, p. 11 – 12].

Несколько месяцев спустя 7 августа 1947 г. произошел другой инцидент уже в столице Соединенного

Королевства: в ресторане одного из отелей в Лондоне. Об этом эпизоде А. Крич Джонс сделал запрос министру продовольствия Дж. Стрэчи [2, p. 19].

Суть инцидента состояла в следующем. Будущий президент Уганды, а в то время кабака (правитель) Буганды – королевства в Уганде – Эдвард Фредерик Мутеса II после Второй мировой войны обучался в престижном Магдален Колледж, Кембридж. Все время пребывания в Англии он как «самый важный африканский правитель в Восточной Африке и колониальной империи в целом» находился под неусыпным контролем департамента социального обеспечения Колониал оффис.

В июле 1947 г. Колониал оффис получил письмо от известного британского дизайнера Оливера Мессела, в котором тот сообщал, что Мутесе, его самого и его друга, принявшего кабаку у себя в Лондоне, метрдотель не пустил в ресторан. Мессел объяснял ему, что Мутеса – официальный гость в Британии, на что метрдотель (предположительно итальянец), заявил, что этот факт не меняет дела. Министр продовольствия Великобритании направил запрос руководству ресторана, переложившего всю вину за произошедший эпизод на распорядителя. Мутесе было отправлено официальное извинение.

Наибольшее опасение этот инцидент вызывал у британских политиков с точки зрения имиджа страны. Кабака Мутеса показывал хорошие результаты в период обучения в Кембридже, и британское правительство делало на него ставку в продвижении интересов метрополии после его возвращения в Буганду. Подобного рода случаи, безусловно, могли нанести серьезный ущерб «хорошему впечатлению об Англии и английском образе жизни» у африканского правителя [2, p. 20].

Другим вызовом, гораздо более серьезным и потенциально угрожающим возникновением проблемы расовой сегрегации в Британии, стала иммиграция в страну выходцев из колоний и позднее из стран Содружества после Второй мировой войны.

Поворотным моментом в британской истории иммиграции историки вполне справедливо считают прибытие 21 июня 1948 г. в порт Тилбери, Лондон, корабля «Эмпаир Виндраш» с 492 ямайцами на борту [3, p. 249].

Накануне этого события, вызвавшего беспокойство не только чиновников заинтересованных ведомств, но и в палате общин, министр по делам колоний А. Крич Джонс подготовил соответствующий доклад для обсуждения в правительстве [2, p. 25].

В обстоятельном документе А. Крич Джонс остановился на причинах, почему молодые мужчины из колоний выбирали конечным «пунктом назначения» Соединенное Королевство, трудностях их размещения и последствиях этого события для британского общества и экономики страны.

Формально граждане стран Карибского бассейна являлись британскими подданными. Их приезд руководство Британии оценивало как «спонтанное движение ямайцев, которые накопили денег, чтобы приехать в Англию в надежде найти работу» [2, p. 25 – 26]. Зачинатели этого массового прибытия в Англию были неизвестны, и министр запросил отчет у правительст-

ва Ямайки по этому вопросу. Очевидно, считал министр, что оно не было подготовлено или поощрено правительством Ямайки или Колониал оффис. Скорее наоборот, Колониал оффис всячески предостерегали от подобных поездок в Британию, а в ямайской прессе достаточно много писалось о трудностях поиска работы в Англии.

Исходя из этого, А. Крич Джонс давал довольно оптимистичный (но уже в среднесрочной перспективе не оправдавшийся) прогноз: «вряд ли в ближайшем будущем последуют такие наплывы безработных мигрантов, поэтому не рекомендуем предпринимать какие-то меры по недопущению этого прибытия. Иначе может последовать скандал» [2, р. 26].

В то же время министр считал, что «пока экономическая ситуация в Ямайке не улучшится, ее жители будут пытаться покинуть пределы страны в поисках лучшей доли». В странах Вест-Индии, в основном занимавшихся сельским хозяйством, насчитывалось 50 тыс. безработных. Возможности эмиграции в Соединенные Штаты после войны сузились, а двери Кубы и Панамы были закрыты, но и сами иммигранты выражали желание работать именно в Англии. В британском правительстве были разработаны проекты по расселению безработного населения в Британскую Гвиану и Британский Гондурас, но они представлялись мало осуществимыми: во-первых, по причине психологических трудностей адаптации в Африке, во-вторых, требовались определенные навыки, которыми безработные жители Вест-Индии не владели, и, в-третьих, они не хотели ехать в эти территории.

Самой насущной проблемой для главы Колониал оффис была проблема размещения такого значительного числа прибывающих мигрантов. В решении этих трудностей А. Крич Джонс надеялся на помощь других ведомств, так как «у Колониал оффис не было полномочий для действий в Соединенном Королевстве». Все, чем располагало ведомство на территории страны, – это хостел для размещения сотрудников, который мог вместить часть прибывших ямайцев, но вызвать протест сотрудников службы, которых тоже где-то надо было размещать. В любом случае, делал вывод А. Крич Джонс, «350 человек из 417 могли остаться без размещения по прибытии» [2, р. 27].

Симптоматично, что члены кабинета при обсуждении иммиграции не поднимали вопрос о нехватке рабочих рук в экономике страны, нуждающейся после войны в восстановлении и реализации программы национализации, предложенной после Второй мировой войны лейбористским правительством К. Эттли.

Скорее наоборот, документы показывают желание лейбористов всеми доступными средствами не допустить въезда выходцев из бедных колониальных территорий на территорию метрополии. Тем самым ставшие доступными историкам в начале 1990-х гг. архивные материалы опровергают устоявшуюся в историографии точку зрения о том, что Британия активно привлекала рабочие руки из колоний с целью заполнения возникнувшей брешы в людских ресурсах и для преодоления нанесенного в годы войны материально-го ущерба.

Потребность в рабочих руках действительно существовала, но лишь первые несколько лет после

окончания войны. Неслучайно современные британские эксперты оценивают «в целом как незначительный» спрос на рабочие руки из колоний в послевоенных условиях [4, р. 39]. Следует также учитывать, что в конце 1940-х гг. в Британии насчитывалось около 100 тыс. чел. выходцев из стран Восточной и Центральной Европы (бывшие члены польских вооруженных сил, которые не захотели возвращаться в Польшу при новом – коммунистическом – режиме), а также «перемещенные лица» из Украины, Югославии, Эстонии, Латвии и Литвы [3, р. 249].

Спад въезда иммигрантов в 1949 г. сменился в следующем году увеличением потока выходцев из стран Карибского бассейна. Как показывают обсуждения этой ситуации в правительстве, британские политики стали подумывать об ограничении тех льгот, которые предоставлял выходцам из империи и Содружества Акт о британском гражданстве 1948 г.

Такая ситуация объяснима: этот закон, введший статус «граждан Соединенного Королевства и колоний», гарантировал иммигрантам из колоний и Содружества право селиться, голосовать и пользоваться всеми услугами, предоставляемыми Великобританией своим гражданам, включая получение британского паспорта. По сути же этот Акт не был чем-то качественно новым в миграционной политике, он стал *подтверждением (выделено Е. Х.)* прежней политики Великобритании, поощрявшей въезд выходцев из доминионов и колоний. Закон стал продолжением и подтверждением Акта о Британском гражданстве и Статусе Иностранца 1914 г. и Актов о поселениях в империи и Содружестве, принятых в 1922 г. и неоднократно продлявшихся до 1957 г.

В условиях беспрецедентного роста и влияния таких антиколониальных держав, как США и СССР, после Второй мировой войны и ширившейся антиколониальной деятельностью ООН принятие Акта 1948 г. рассматривалось Лондоном и как средство поддержания тесных уз с Содружеством и «омоложения» британского колониализма [3, р. 248, 254].

На деле этот документ стал «миной замедленного действия» для британских правительств, значительно сузив возможности законодательного ограничения иммиграции.

В 1939 г., по официальным оценкам, постоянное азиатское и африканское население в Великобритании составляло 7 тыс. человек [5, р. 3]. В XIX в. притяжение в центр империи и Содружества представителей разных этнических групп являлось целенаправленной политикой Лондона по формированию мультиэтнического общества «британцев более великой Британии» (“britons of Greater Britain” [5, р. 3]). На рубеже XIX – XX вв. общая имперская идентичность мыслилась британскими политиками главным образом как этническое самосознание *белых (выделено Е. Х.)* британцев [1, с. 285]. Наличие переселенческих белых доминионов – Австралии, Канады, Новой Зеландии и в меньшей степени Южно-Африканского союза – могло служить такой цели. С середины XIX в. в метрополии начинают селиться представители других расовых и конфессиональных групп, что не вызывало серьезных опасений. Скорее наоборот, доминионы и колонии имели статус «британских субъектов» или поддан-

ных, подразумевающий общее гражданство и свободный доступ на территорию метрополии.

Азиатские и африканские поселения в межвоенный период в основном были сконцентрированы в многоэтничных районах доков и морских портах, таких как Лондон, Ливерпуль, Кардифф, Южный Шилдс и Глазго. Часть моряков, которые обосновались на территории Великобритании до и во время войны, после 1945 г. стали основой для образования индийских и пакистанских общин в 1950-е гг. [5, р. 16]. Численность этих общин после Второй мировой войны оценивалась в 30 тыс. чел., среди которых были не только жители из Вест-Индии и Западной Африки, но мусульмане, в основном из Адена или Сомали, сосредоточенные преимущественно в Мерсисайде, Лондоне, Кардиффе и Тайнсайде [2, р. 43].

Увеличивающийся после Второй мировой войны поток иммигрантов привел к тому, что правительство К. Эттли разработало предложения по ограничению иммиграции из государств Карибского бассейна, грозившей нежелательными социальными последствиями. Однако ни лейбористы, ни сменившие их консерваторы не решались на введение таких мер. Часть парламентариев-заднескамеечников мотивировала поддержание таких мер настроениями избирателей, другая часть утверждала, что ограничение иммиграции будет воспринято как проявление расизма и станет «предательством идеала свободного передвижения в мультикультурном Содружестве» [4, р. 59].

18 мая 1950 г. миграционная тематика вновь вышла на повестку дня. Новый министр по делам колоний Дж. Гриффитс докладывал на заседании кабинета, что въезд – легальный и нелегальный – выходцев из стран Вест-Индии продолжается [2, р. 28].

Министр оценивал численность уже проживающих на территории Соединенного Королевства общин в 20 – 30 тыс. чел., в основном сосредоточенных в Ливерпуле, Кардиффе и Манчестере, в Тайнсайде и Ист-Энде Лондона. Группы меньшей численности проживали в других центрах, главным образом, в Бирмингеме, Лидсе, Халле и Болтоне [2, р. 29].

Такая ситуация объяснялась тем, что в течение Первой мировой войны многие жители колоний служили в Торговом флоте Великобритании и позднее осели в этой стране. Некоторым удалось остаться на работе во флоте, но к началу войны в 1939 г. в этой сфере наблюдалось неуклонное сокращение занятости. Большинство пыталось найти работу на берегу, что было нелегко как по причине безработицы, так и по причине периодических беспорядков на расовой почве.

Во время Второй мировой войны выходцы из колоний вновь были привлечены для работы в метрополии. 1,2 тыс. жителей Гондураса были задействованы на валке леса в Шотландии (многие потом остались здесь жить), 1 тыс. технических специалистов из Вест-Индии – в работе на военных фабриках, 10 тыс. из Вест-Индии – для службы в Королевских воздушных силах. Когда война закончилась, 8 тыс. чел. были репатрированы, остальные остались в Британии.

Другой проблемой оставался въезд нелегалов – не только из стран Карибского бассейна, но и Западной Африки – немногим из них удавалось сойти на берег,

где они должны были показать паспорта британских или находящихся под британской защитой граждан. В условиях военного времени и мобильности военных частей облегчение пограничного контроля привело к росту численности «безбилетных пассажиров», осевших на территории страны.

С 1945 г. произошло значительное увеличение цветных жителей колоний, приезжающих в Соединенное Королевство. Среди них как легальные мигранты – купившие билет, так и вновь нелегалы – безбилетные пассажиры – бывшие моряки военного времени, прибывающие из Вест-Индии и Западной Африки в надежде найти работу на флоте. Причины такого массового наплыва, констатировал министр по делам колоний, носили комплексный характер: в случае с Вест-Индией – это безработица и узость рынка труда, в случае с Западной Африкой – низкий уровень жизни. И тех, и других привлекали высокий уровень жизни и качество социальных услуг в Соединенном Королевстве. При этом выходцы из Вест-Индии имели больше преимуществ перед жителями из Западной Африки с точки зрения знания языка и понимания британского образа жизни [2, р. 30].

Надо заметить, что увеличившийся после окончания войны поток иммигрантов на территорию Соединенного Королевства выявил наличие двух серьезных проблем, не связанных непосредственно с прибытием цветного населения. Во-первых, это недостаточный контроль и учет прибывающих в страну лиц, и, во-вторых, как следствие, отсутствие точной статистики – сколько британских подданных и других иностранцев уже проживает и сколько уезжает и прибывает ежегодно на территорию страны. Показатели, которыми оперировали британские чиновники, носили приблизительный характер и основывались на данных пассажирских перевозчиков и Министерства труда, имеющего в своем распоряжении только данные обратившихся в поиске работы или безработных.

Британские чиновники докладывали, что предположительно после 1945 г. в страну въехало около 2 тыс. выходцев из Вест-Индии, главным образом из Ямайки, после 1949 г. их численность резко упала. Это было связано как с трудностями перевозок, так и нехваткой средств на проезд. В любом случае было очевидно, что пока безработица в Ямайке и других территориях не сократится, поток желающих уехать на заработки в метрополию не иссякнет.

Дж. Гриффитс затронул и проблемы включения осевших иностранцев в британское общество, или, говоря современным языком, интеграции мигрантов. На тот момент времени эти вопросы не находились в фокусе значительного интереса руководства страны, скорее министр добросовестно *фиксировал* (выделено *Е. Х.*) состояние дел в этой сфере. Его беспокоило, что «невзирая на предпочтение иммигрантами своего собственного общества, большая часть из них рассматривает себя как постоянных жителей Соединенного Королевства и не имеет намерения возвращаться в страну происхождения» [2, р. 29]. В таком ракурсе, по его мнению, следовало обратить внимание на эпизоды столкновений иммигрантов и коренного населения. Три таких заметных случая, по данным главы Колониал оффис, произошли в Ливерпуле, Дептфорде и

Бирмингеме в 1948 – 1949 гг., где для восстановления порядка пришлось задействовать силы полиции. Менее заметные нарушения время от времени происходили между самими иностранцами, и полиции приходилось отслеживать ситуацию в районах скопления цветного населения [2, р. 30 – 31].

Наиболее же насущными оставались проблемы жилья и занятости, в решение которых кроме Колониал оффиса были вовлечены другие ведомства, в том числе министерства внутренних дел, труда, здравоохранения, транспорта и Национальный совет по оказанию помощи, созданный в 1948 г.

Предложения министра по делам колоний, направленные на ограничение иммиграции британских подданных, сводились к следующему:

- через колониальные правительства донести до жителей информацию о том, что найти работу в Британии очень сложно; не выдавать паспорта тем, кто не может оплатить билет или не годен для постоянной занятости, и усилить контроль в портах с тем, чтобы не допустить спуск на землю безбилетных пассажиров;

- усилить контроль с целью предъявления всеми прибывающими в Соединенное Королевство доказательств британского гражданства;

- предпринять все необходимые меры для трудоустройства уже приехавших иммигрантов и подготовки добровольной депортации не адаптировавшихся к британским условиям жизни.

Особое внимание уделялось решению второй задачи – усилению контроля над прибывающими в страну иностранцами. Дело в том, что многие безбилетные пассажиры из Западной Африки имели так называемые британские сертификаты путешественников (*British Travel Certificates*). Эти документы, обращая внимание Дж. Гриффитса, были выпущены британскими администрациями в странах Западной Африки и предназначались для передвижения внутри региона. С целью снижения количества нелегалов из региона в метрополию министр предлагал обменять эти сертификаты на документы, удостоверяющие личность и место жительства [2, р. 31].

19 сентября 1949 г. министерство внутренних дел Великобритании внесло изменения в инструкции Иммиграционной службы, наделив ее правом отказывать во въезде людям, которые не могут предъявить удовлетворительное доказательство того, что они – британские подданные или находящиеся под британской защитой лица. Это, по сути, был возврат к довоенной практике, результатом которой стало некоторое сокращение въезда нелегалов [2, р. 31 – 32].

На этом фоне как «сравнительно небольшая» оценивалась проблема занятости. В июле 1949 г. министерство труда Великобритании в ответ на запрос правительства представило отчет, согласно которому в основных центрах проживания иммигрантов без работы оставались 1200 человек. Большинство из них проживали в Ливерпуле (540), Лондоне (Ист Энд – 278), Уэльсе (в основном в Кардиффе – 101) и Манчестере (129). Около 500 человек из общей цифры представляли себя как моряков. Министерство труда пыталось перевести безработных из Лондона и Манчестера в другие города, где наблюдалась нехватка ра-

бочих рук, и в этом процессе удалось добиться некоторых результатов благодаря помощи Национальной корпорации хостельской службы [2, р. 32].

Колониал оффис отправил телеграммы всем морским колониям с рекомендацией выдачи стандартных сертификатов гражданства и удостоверения личности всем колониальным морякам. Оставалась проблема занятости уже прибывших: в Ливерпуле и Кардифе наблюдалась общая нехватка рабочих мест. Многие мужчины-мигранты были не женаты, а, значит, не имели права на жилье по местным законам. Арендовать комнату или квартиру было затруднительно по причине расовых предрассудков у собственников жилья. Дж. Гриффитс считал необходимым преодолевать расовые предрассудки, выливавшиеся в «некоторое предубеждение против цветных людей, например, нежелание некоторых хозяек брать цветных постояльцев и отказ в предоставлении работы со стороны частных работодателей» [2, р. 33].

Эти расовые предубеждения, как справедливо он полагал, невозможно было преодолеть только путем законодательных или административных действий. Информационный отдел Колониал оффиса разработал программу по информированию британской общественности о колониях и их народах с целью «лучшего понимания друг друга». Другие меры были связаны с решением проблем обеспечения жильем и работой сравнительно маленьких групп цветных иммигрантов, «не растворенных в нормальную жизнь и работу в стране», предоставив им услуги и возможности, доступные всему обществу в целом, и стимулировать добровольный интерес и службу с их стороны [2, р. 33].

Эти планы Колониал оффиса требовали организации подготовки сотрудников для обеспечения специальных нужд мигрантов. В то же время министр по делам колоний предупреждал, что «было бы неверно рассматривать колониальных резидентов как класс, отдельный от общества в целом, хотя нужно признать, что они действительно нуждаются в специальном руководстве» [2, р. 33].

В июне 1950 г. меморандум главы Колониал оффиса был внимательно изучен на заседании кабинета министров [2, р. 34]. Дж. Гриффитс в очередной раз отметил, что проблемы возникают только в том случае, если иммигранты желают стать резидентами и остаться в стране. Министерство по делам колоний со своей стороны, подчеркнул он, при полной поддержке министерства труда, старалось рассредоточить их так широко по территории как только возможно – не допуская скопления в одном месте. Такую политику министр характеризует как «политику распространения и ассимиляции», отмечая при этом, что *политика ассимиляции (выделено Е. Х.)* несомненно представляет значительные трудности, и, для того чтобы преодолеть их, необходимы совместные усилия со стороны правительственных отделов и добровольческих организаций.

Термин «ассимиляция», что симптоматично, не раскрывается Дж. Гриффитсом, но очевидно, что эта политика, если ее можно считать таковой, не представляла собой **целенаправленного курса на интеграцию (выделено Е. Х.)** иммигрантов в британское

общество на данном этапе. Со всей очевидностью эти вопросы встанут перед руководством страны годы спустя, когда политики осознают, что в государстве на постоянной основе проживает значительное число иностранцев, имеющих семьи и связывающих свою и их жизнь с пребыванием только в Британии.

Гораздо больше на тот момент времени глава Колониал оффис был обеспокоен продолжающимся притоком иммигрантов: очередной корабль с 14 цветными мигрантами из Вест-Индии должен был прибыть на днях. Почти все другие страны Содружества уже ввели ограничивающие для британских подданных въезд в страну меры, и было бы логично, по мнению Дж. Гриффитса, если Великобритания пойдет по этому пути, особенно в условиях увеличения количества нелегалов, прибывающих по поддельным документам [2, р. 34 – 35].

Дж. Чатер Эд, глава министерства внутренних дел и председатель комитета министров, специально созданного для изучения миграционных проблем, в феврале 1951 г. представил кабинету оценки своего ведомства. Согласно им в целом безработица и нищета среди цветных мигрантов была не так распространена, чтобы иметь заметный эффект на экономику Британии. Общая численность безработных постепенно уменьшалась – в 1949 г. она составляла 1200 человек, а в 1950 г. – уже 1102 человека [2, р. 43].

В ходе заседания члены кабинета отвергли идею введения ограничивающего иммиграцию законодательства под предлогом «нарушения традиционной политики предоставления всем британским подданным права въезжать и селиться в Соединенном Коро-

левстве» [2, р. 47]. Но поддержали предложения Дж. Чатер Эда о введении отдельных мер административного характера: усилить службу контроля не только в отношении иностранцев, но и британских подданных и вернуть нелегалов на родину [2, р. 43 – 44].

Таким образом, хотя Акт о британском гражданстве 1948 г. по-прежнему оставался в силе, британские политики при обсуждении проблем нерегулируемой иммиграции все больше утверждались во мнении о необходимости ввести контроль над количеством прибывающих в страну иностранцев. Изменившиеся после Второй мировой войны международные условия, включая процессы деколонизации и деятельность ООН по ликвидации мировой колониальной системы, тормозили принятие законодательных мер, регулирующих въезд выходцев из слаборазвитых колоний в Британию. Как лейбористы, так и в будущем консерваторы, испытывали вполне оправданные опасения, что ограничение только цветной иммиграции вызовет обвинения Великобритании в проведении расовой дискриминации. Объективно же Лондон не мог обеспечить работой, жильем и другими социальными услугами всех желающих, приезжающих из бедных стран империи. Так и не решив дилемму «выслать нельзя принять» во второй половине 1940-х – 1950-ые гг., Великобритания в 1962 г. все же согласится на введение регулируемой иммиграции, приняв Акт о мигрантах Содружества, на деле приведший только к увеличению численности прибывающих иностранцев.

Литература

1. Ливен Д. Империи и власть. Размышляя над современной историографией истории империй // В поисках истины: сб. к юбилею академика А. О. Чубарьяна. М., 2012.
2. British Documents on the End of Empire. Ed. by R. Hyam. Series A. Vol. 2. The Labour Government and the End of Empire. 1945 – 1951. Part IV. Race Relations and the Commonwealth. L., 1992.
3. Empire, Migration and Identity in the British World. Ed. by K. Fedorowich and A. S. Thompson. N.Y., 2013.
4. European Migration in the Late of Twentieth Century. Historical Patterns, Actual Trends, and Social Implications. Aldershot, 1994.
5. Spencer I. British Immigration Policy from 1939. The Making of Multi-Racial Britain. L., N.Y. 1997.

Информация об авторе:

Хахалкина Елена Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Исторического факультета Томского государственного университета, ekhakhalkina@mail.ru.

Elena V. Khakhalkina – Candidate of History, Associate Professor, Assistant professor at the Department of Modern, Contemporary History and International Relations, National Research Tomsk State University.

Статья поступила в редколлегию 04.06.2015 г.